

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

сказал бы, что он доволен. И дело не только в ностальгии. Есть еще чувство неуместности. Я, например, долгое время жил на Дальнем Востоке. И чувствовал свою неуместность там. Может быть, это дает знать о себе генная память. И что касается меня — чем дальше на запад, тем больше я ощущаю себя дома. Восток мне противопоказан. Но это вовсе не значит, что мне следует уехать на Запад. Вот вы упомянули Дмитрия Сергеевича Лихачева. Так он как раз говорил: надо жить оседло, надо жить дома. Это точно!

— Василь Владимирович, а каким было ваше детство?

— Воспоминания о нем радости не приносят... Это были тяжелые тридцатые годы — ужаснейшие и в социальном, и в политическом отношении. Голод, бесправие... Конечно, дети не переживали в полной мере то, что пришлось на долю родителей. Но эта атмосфера сказывалась на формирующейся детской психологии. И моя эмоциональная память сохранила много печали. Что же касается последующих лет — они были еще хуже. И, оглядываясь на прошедшую жизнь, вижу, что только к пенсионному возрасту у человека моего поколения появилась возможность обрести более-менее достойную жизнь. Однако и это время оказалось кратким: начавшаяся перест-

— Когда вам указывали на ваши якобы ошибки, вы поправлялись?

— Если бы я и не реагировал непосредственно (хотя я не мог этого не делать, поскольку «ошибки» подчеркивались красным карандашом и произведение не пускалось в набор, пока подчеркнутое не исправилось), то при работе этот незримый редактор всегда присутствовал! По существу происходила трудная борьба с внутренним цензором.

— Сегодня вы не пытаетесь поправить свои произведения?

— Нет. К своим произведениям я не возвращаюсь. То, что написано, отторгается от меня как от автора и дальше живет уже по своим законам. Я считаю, что нет надобности что-то перестраивать, тем более — совершенствовать. Ведь вторжение в живую плоть произведения не всегда проходит безнаказанно, а главное — не всегда служит совершенству. Нередко слишком усердное отношение автора к своему произведению разрушает последнее. Поэтому пусть живет таким, каким появилось на свет.

...Что же касается темы войны, которой я занимался много лет, то жаль, что в свое время не удалось отработать все стороны этого действительно эпохального события. Наша литература, и я в том числе, больше сосредоточивались на аспекте героического. Здесь не надо было прибегать к уловкам и лжи. Но дело в

друг с другом: одно вытекает из другого. Полагаю, что здоровый, умеренный национализм — явление вполне нормальное. Ведь национальная идея — идея естественная, рациональная, данная человеку от рождения. Именно на ее основе созданы многие процветающие государства, например, государственные образования Западной Европы. Они основаны не на социальных или классовых идеях, а национальных. Другое дело, что существует крайний национализм. Тот же немецкий нацизм. И я делаю следующее разделение: «нормальный» национал любит свою национальность, Родину, свою культуру. Националист, впадающий в крайности, не столько любит собственное, сколько ненавидит соседское, чужое. Космополитизм же — это, видимо, состояние будущего. Но опять же — к нормальному космополитизму нет другого пути, кроме как через нормальный национализм. И основа космополитизма — совокупность национального. Но нам до этого еще далеко: чтобы обогатить мировую культуру, надо развить собственную.

— Себя вы относите к национальным писателям?

— Естественно. Я — белорусский писатель.

— Но тематика ваших произведений — наднациональная...

— Война не была явлением только национальным. Но при-

гии, говорить об интеллигенции преждевременно.

— Я понимаю Алексеивич, потому что тоже имею большие претензии к нашей белорусской интеллигенции. В том-то и дело, что нет среды, которая воспитывала бы, формировала бы нашу интеллигенцию. Она же не может появиться из ничего! Ведь профессия еще не определяет интеллигентность. Вот, например, показательно, как повели себя некоторые белорусские писатели во время апрельской политической стачки. Произошло историческое событие — может быть, лик того, на что способен был рабочий класс Белоруссии. И удивительно, что интеллигенция, Союз писателей остались в стороне. Уже потом, с опозданием, рада СП публично выразила свою поддержку стачкам. Но и тогда нашлись именитые, между прочим, писатели, которые окрестились от этого заявления. Это позорнейший акт. Понятно, что эти писатели-коммунисты до сих пор находятся во власти своего ЦК. И ни с интеллигентностью, ни с народными интересами они не имеют ничего общего. Это продукт тоталитарной системы в его личностном воплощении.

— Василь Владимирович, примете ли вы лично для себя какую-либо партийность?

— В условиях многопартийности и действительно демократического общества человек вправе выбирать партию соответственно своим взглядам. Но лично я воздерживаюсь от подобного выбора по той причине, что у меня уже нет сил для активной политической деятельности. Это для меня просто изнурительно. Я, насколько позволяют силы, участвую в народном фронте. Эта благородная организация поставила перед собой очень важные цели.

— Думаю, в Белоруссии нет сегодня человека-символа, как, скажем, в Польше или Чехословакии, который возглавил бы народное движение...

— Почему же? Сколько умных, преданных демократической идее и честных людей в нашем Верховном Совете! Есть среди них и такие, кто смог бы возглавить движение нации к возрождению. Я, например, высоко ставлю Зенона Позняка, Михаса Ткачева, Юрия Ходыко.

— Какой диагноз вы дали бы сегодняшнему обществу?

— Верховный Совет, институт народных депутатов переживают кризис точно так же, как и все органы власти. Я был избран от общественной организации — Союза писателей. Но обнаружилось, что обязательства, принятые мною во время избирательной кампании, невыполнимы. Современная система власти исключает это: и Верховный Совет, и съезд народных депутатов оказались в своем большинстве сугубо консервативными. Поэтому я скоро понял, что действия демократов обречены на полный провал. Еще на I съезде народных депутатов Евтушенко предложил существенные поправки к Конституции, которые, если бы были приняты, могли значительно изменить ход нашей жизни. Но нынешний состав депутатского корпуса на такие шаги не способен. И вся его «деятельность» — не более чем имитация законотворчества. Все это вызывает у меня сплошной пессимизм. И, наверное, я не смогу выполнить обязательств, взятых перед избравшими меня.

— Полагаю, что единственный выход в данной ситуации — роспуск Верховных Советов и новые демократические выборы, которым должны предшествовать выборы избирательных комиссий. Потому что сегодняшние избирательные комиссии, назначенные партийными органами, не обеспечивают демократических выборов.

— В другой раз вы не станете баллотироваться в народные депутаты?

— Разумеется, нет.

— Вы не раз встречались с М. Горбачевым...

— У меня от этих встреч и беглых разговоров (в основном, о Белоруссии) осталось вот такое впечатление: президент совершенно превратно информирован о состоянии дел в республике. Многие общезвестные вещи он воспринимал с удивлением, значит, слышал об этом впервые.

— Василь Владимирович, но вы пишете сегодня что-либо!

— Я человек неорганизованный, пишу — когда пишется. Больше вечером или ночью. Утром хорошо редактировать написанное ночью. Во всем остальном — как придется. И когда меня спрашивают, когда лучше пишется, отвечаю — когда материал созреет в душе. Тогда можно писать, приткнувшись где-то в уголок, в любой момент. Но нужны внутренняя настроенность, душевная расположенность.

...В этом году, увы, ничего, не писалось. В прошлом тоже. Пишу только публицистику.

— В заключение: что вы пожелаете молодым!

— Жизни более счастливой, чем та, которая суждена была их родителям.

— Благодарю за интервью. Всего вам доброго!

Сергей ШАПРАН,
соб. корр. «Советской молодежи» в Минске — специально для «Знамени юности».

«В МОЕЙ ПАМЯТИ МНОГО ПЕЧАЛИ»

ройка принесла не высвобождение, а новые проблемы, и без того осложнившие бытие. Общеизвестно, как многие люди, особенно интеллигенция, восприняли перестройку как зарю нового счастливого дня, когда если не нам, то нашим внукам замерцала новая счастливая жизнь. Но все оказалось очень иллюзорно и проблематично. И вера в благоприятный исход перестройки, увы, меркнет.

— Вы несчастливы!

— Нет, почему же?.. Я просто об этом не думал. Я живу так, как уготовано мне жить. И не мне одному, а народу и народам вообще.

— После войны на Западе, в частности в Германии, возникло понятие — «потерянное поколение». Люди, прошедшие войну. В нашей стране — народ-победитель, и такой термин был неуместен. Как вы оцениваете послевоенное состояние советской литературы?

— Литература — это область человеческой деятельности, и область обширная. Здесь общими, скупыми определениями, очевидно, не обойтись. Существовала разная литература. Почти все, что писалось после войны, создавалось в атмосфере эйфории от нашей победы: нам казалось, что главное — победить немецкий фашизм, остальное приложится само. Но — не приложилось. Жизнь продолжала ухудшаться во всех смыслах. Только слепцы могли не видеть, что в условиях тоталитаризма, при жизни диктатора и после его ухода из жизни режим не только сохранился, но и усовершенствуется.

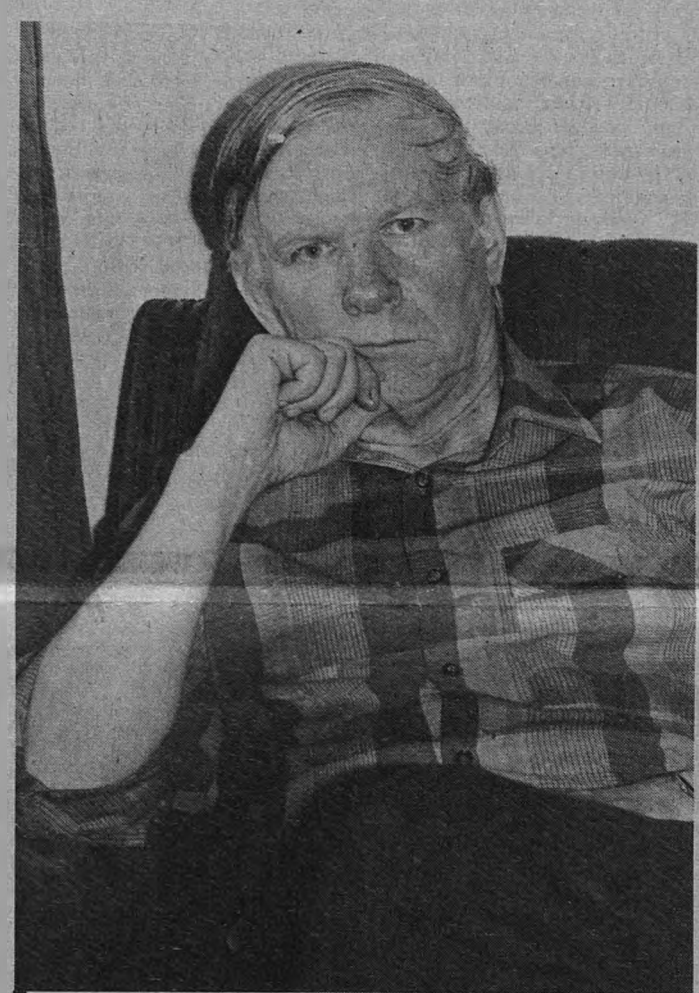
После XX съезда было позволено говорить то, о чем до тех пор молчали. И я написал несколько рассказов, которые напечатал сатирический журнал «Вожык». Но период оттепели закончился скоро, и печатать рассказы такого рода перестали. Я переключился на военную тему: написал повесть «Журавлиный крик».

— Думали ли вы тогда, что станете писателем?

— Нет. Я работал в областной газете. После приема в Союз писателей был литконсультантом с окладом в 80 рублей.

— Время вашего творчества хронологически совпало с периодом т. н. соцреализма — термина, введенного в обиход Сталиным. Наложил ли этот «литературный метод» какой-либо отпечаток на манеру вашего письма?

— Конечно. Хотя до сих пор нет бесспорного определения метода соцреализма, я это понятие связываю с государственной системой подавления. Я не мог писать так, как того хотел. На пути моего «хотения» были редактора, цензура, критика да и общественное мнение, которое в массе своей было довольно консервативно. Сколько приходилось выслушивать всяческих нотаций не только от цензоров и редакторов, но и от читателей! — мол, что-то изображено неправильно, или, скажем, писатель льет воду на чужие мельнички. Если мы оглянемся на творчество таких выдающихся мастеров литературы, как Алексей Толстой, Михаил Шолохов, других, в чьих художнических способностях мир не сомневается, мы увидим, насколько стеснено было их творчество, ограничено их мировоззрение. И все это — благодаря государственной системе соцреализма.

том, что на войне, кроме героического, была масса другого, о чем наша литература промолчала, поскольку это не было дозволено. Вы, наверное, видели фотоматериалы о войне. Обратили внимание, что на этих снимках почти нет наших убитых?.. Снимать их было запрещено. Убитых немцев — сколько угодно. Так создавался определенный образ войны. Но как можно исключить из искусства о войне (а фотография — тоже искусство), может быть, самое главное — смерть? Она витала над каждым — все жили с мыслью о смерти: когда она наступит? Как? Но похоже, что многое неизвестное о войне уходит безвозвратно — вместе с военными поколениями. И навсегда останется за пределами истории и искусства.

— Как вы оцениваете сегодняшнее состояние белорусской литературы?

— Сейчас не только белорусская, но и русская, и вся советская литература находятся в состоянии некоторой прострации. Литература потеряла ориентиры, и прежде — нравственные, поскольку старые боги свергнуты, а новые не появились. Ведь литература очень тесно связана своими нервами с живой жизнью. Но наша сегодняшняя живая жизнь — сплошной и глубокий кризис. И нынешняя литература, по существу, питается произведениями либо созданными раньше и не публиковавшимися, либо написанными в эмиграции. А мы ведь переживаем судьбоносное время, время колоссальных политических и социальных ошибок. Надо полагать, что это найдет отражение в нашей литературе несколько позже — независимо от того, провалится перестройка или осуществится. По-видимому, литературе надо собраться и навести порядок в своей душе.

— Национализм и космополитизм литератора: какие различия вы видите в этих понятиях?

— Патриотизм, национализм, космополитизм — понятия, очень тесно смыкающиеся

надлежность писателя определяется прежде всего языком, на котором он пишет.

— Литературовед Александр Шабловский считает, что каждой национальной литературе присущи какие-либо только ее символы. По его мысли, в белорусской литературе это бузел, батян, это не дорого (как у русских), а стежка, по которой на лихой тройке не проедешь, это и болото...

— Думаю, это желание о простых вещах говорить чересчур умно. Для Белоруссии характерно все то, что и для других мест. Я иногда в Европе обнаруживал такой же пейзаж, как и у нас. Скажем, Дания по рельефу, по сельскому антуражу очень похожа на Белоруссию. Так что не надо думать, что только над Белоруссией «лётает наша национальная птушка бацяня расце бярозка».

— Что тогда, на ваш взгляд, присуще белорусам?

— Я бы белорусский характер определил в кругу других национальностей. Белорусы на войне как солдаты всегда были, говоря по-белорусски, цыхманья, не больно порывистые, не очень способные на головокружительные подвиги, но, как правило, честно и негромко исполнявшие свой долг. Они были хороши в обороне. Редко бросали оружие и отходили без приказа. Украинцы были на поле боя гораздо ценнее, как солдаты. Они были упорными. Кавказцы — лихие в подвигах. Но все это личные умозрительные наблюдения.

— Я бы хотел коснуться вот еще какого вопроса: не раз мы говорили со Светланой Алексиевич о состоянии нашего большого общества, в частности — об интеллигенции. И Светлана Александровна сказала, что не стала бы произносить это слово применительно к нашему обществу, поскольку истинная интеллигенция была уничтожена или выродилась. И в стране, где господствует марксистско-ленинская идеология при превалирующей люмпен-психоло-